

Александр Третьяк Коцюбиев, или История фальшивки

Касаясь предыстории основания Одессы и собственно исторического прошлого территории, где ей было суждено появиться, нельзя оставить без внимания вопрос, касающийся своеобразной легенды о существовании в позднее Средневековье и новое время на этом месте некоего польского города Коцюбиева, давшего, в свою очередь, само название Хаджибею. Подобные мало остроумные выдумки, не подтверждающиеся ни одним историческим документом, а потому не подлежащие научной критике и анализу, вряд ли бы стоило рассматривать вообще. Однако, исходя из того, что в литературе последних десятилетий, включая не только ту ее часть, которая преследует чисто идеологические цели, но и в научной, указанным мифом стали оперировать едва ли не как с доказанным историческим фактом, попробуем проанализировать аргументы авторов подобных воззрений, наградивших *post factum* Польское королевство почти за сто лет до его фактического выхода к Балтийскому морю через польскую Померанию в 1466 г. статусом черноморской державы.

Прежде всего, обратимся к официальным польским источникам. Благо в этом отношении, в отличие от других государственных образований Восточной и Центральной Европы, кодификация законов, статусов, королевских конституций и пр. в Речи Посполитой была проведена и завершена еще во второй половине XVIII века в уникальном многотомном издании, охватывавшем государственные документы с XIII по XVIII вв.* Нет нужды говорить, что ни в одном из сотен материалов, касающихся событий

* См.: Inwentarz praw, statutów, konstytucji koronnych, y W.X.L. w chasie bezkrolewia r. 1764 y za panowania nayiasnieyszgo Stanislawia Augusta. – Warsawie,

начала XV в., как и в последующие периоды, нет даже косвенных намеков на черноморские амбиции Польского королевства. Более того, здесь нет вообще упоминания некоего Коцюбиева либо производного от этого названия, которое соответствовало бы его расположению в Северном Причерноморье. Аналогичный результат, кстати, получается и после знакомства с литовскими метриками*. А ведь речь идет о документах, где расписаны не только города и крупные поселения, принадлежавшие либо мнимо принадлежавшие, по шляхетским претензиям, данным государствам, но и самые ничтожные деревушки, мосты, переправы и т. п. Во всяком случае, там, где можно было предъявить свои феодально-ленные права, и где был хотя бы один подданный, способный носить оружие или обладавший конем.

Каким чудесным образом испарился из официального реестра город и, как утверждают, крупный порт на берегу Черного моря, остается только догадываться. Как и о том, почему столь эпохальное событие в жизни не только отдельно взятого государства, но и для всего международного сообщества, каковым являлся бы выход к морю Польского королевства, осталось совершенно не замеченным современниками. Только для людей, весьма смутно представляющих себе, что такое медиевистика, может показаться, что позднее Средневековье являло собой подобие некой анархии. Напротив, это была жестко сконструированная общественно-политическая система. Поэтому гипотеза о появлении польского флота на Черном море в самом начале XV столетия, где в реальности абсолютной монополией на все торговые отношения обладала генуэзская Каффа, выглядит, по крайней мере, абсурдной. Ибо следует заметить, что до настоящего времени в итальянских архивах хранятся документы и подробнейшие росписи всех событий не только непосредственно, но и косвенно касавшихся всех генуэзских коммерческих интересов в акватории черноморского бассей-

1782; а также указатель: *Inwentarz praw, statutów, konstytucji koronnych, y W.X.L. Voluminis legume.* – Warszawa, 1789.

* См., например: *Акты литовской метрики.* – Т. 1, вып. 1, 1413-1498; вып. 2, 1499-1507. – Варшава, 1896-1897; *Перапіс Войска Вялікаго княства Літоўскага 1528 года. Метрыка Вялікаго княства Літоўскага.* – Мінск, 2003.

на.** Не говоря уже о том, что в соответствующих журналах фиксировался отход и приход всех судов в черноморских портах, включая Константинополь, привилегией захода в который со стороны проливов обладала только Генуя, с указанием владельцев, декларациями о грузах и уплаченными пошлинами.

Впрочем, развивать далее данную тему нет никакого смысла, так как этим мы можем лишь пролонгировать количество примеров неадекватности «коцюбиевской» выдумки подлинным историческим процессам указанного периода. А потому обратимся к фразе, с неизменной ссылкой на авторитет польского историка Яна Длугоша ставшей альфой и омегой для тех, кто с поразительной настойчивостью пытается переписать и отечественную, и польскую, да и европейскую историю: «Доказательством существования на месте нынешней Одессы польского города Кочубея в XV в. служат многочисленные документы, в частности, хроника Яна Длугоша 1415 года». Относительно «многочисленных документов» все совершенно понятно, так как никто и никогда не привел ни одного из них или хотя бы ссылки на таковой. Что касается «хроники», то это уже более чем любопытно, ибо по странному стечению обстоятельств, польский священник Длугош сам родился именно в 1415 г., и в тот момент если и мог что-либо документально зафиксировать, то лишь собственно факт своего рождения. Но это при условии, конечно, что младенец был одарен невиданными способностями, в чем стоит выразить сомнения. Тем не менее, попытаемся проанализировать ту часть истории Яна Длугоша, где идет речь якобы о предшественнике Одессы.

Возможно, на первый взгляд, в указанном тексте польской истории Длугош полностью оправдывает не совсем лестное мнение о себе в научном мире, сложившееся относительно его методов изложения исторических фактов.** Однако не будем то-

** См. подробное описание итальянских архивных источников по данному вопросу в кн.: Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. – М., 1990.

*** «Длугош очень свободно обращается с источниками, то обходя молчанием факты, сообщаемые ими, но неблагоприятные для его тенденции, то искажая их показания, иногда до полной противоположности с прямым их смыслом. Другая причина многочисленных ошибок Длугоша лежит в способе отношения его к источникам, общим всему его веку. Прежде всего, у него часты удвоения

ропиться, ибо субъективно передаваемые католическим священником события, хотя и не имеют собственно к территории Одессы совершенно никакого отношения, тем не менее, заслуживают внимания.* Впрочем, нелишним будет заметить, что тем, кто ухитрился в контексте указанной части труда Длугоша увидеть статус Польского королевства в качестве морской державы, нельзя отказать в недостатке воображения. Относительно же последнего положения добавим, что подобные интерпретаторы Длугоша: а) либо его вовсе и не читали, а если и видели текст, то по причине незнания латыни просто разглядывали буквы, дивясь незнакомым начертаниям; б) профессионально являются неподготовленными для понимания излагаемых на этих страницах событий; в) искажают смысл написанного с целью прямой фальсификации факта во имя личных, идеологических, националистических и пр. интересов. Хотя с сожалением следует констатировать, что эти три характеристики чаще всего встречаются не по отдельности, а в совокупности.

Итак, Длугош в нижеследующем отрывке не приводит и не цитирует никакого документа, тогда как сам отрывок выхвачен из нарратива автора, повествующего о феодальной междоусобице в православных Валахском и Молдавском княжествах. Напомним, что именно в 1415 г. Валахия признала свою вассальную зависимость от турок-османов, что, в свою очередь, являлось причиной и следствием последующего вмешательства польского короля Владислава II (Ягайло) в дела этих государств. Ситуация оказалась очень непростой, и не столько с точки зрения государственных интересов, сколько в ее религиозной подоплеке. Отнюдь не все валашские и молдавские феодалы из числа тех, кто решительно отказывался от признания верховенства мусульман, готовы были к принятию помощи и со стороны едва ли не менее

фактов: всякое событие, занесенное в разные источники под различными годами или даже в один и тот же источник дважды, обращалось у Длугоша в два отдельных факта. С другой стороны, побуждаемый стремлением к определенности известий, он часто вносит в данные источников целый ряд новых подробностей, имен, чисел, даже событий, руководясь лишь своими догадками» – Брокгауз Ф.А., Эфрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. 10. – СПб, 1893, с. 774.

* Długosz J. *Historiae Polonicae libri XII*. Т. 12. – Lipsiae, 1711, p. 367.

1415 *Sandomiriam*, ex *Sandomiria* in novam ciuitatem deinde per *Tuchow*, *Krośno*, *Iasto*, *Lan-
cúth*, *Przemisl*, *Laroslau*, procedens, sexta
quarta ante festum Pasche venit *Leopolim*. Et
Pascha Domini illic celebrato, dies aliquot
Maii in *Sanok* absumens, iterum *Leopolim* red-
dit, & ab inde discedens, per *Glyniani* & *Bosca*
transiens, festum Ascensionis Domini apud
Trebowlja peragit. Deinde per *Esczacz*,
Falicy, *Colomiam*, in *Snyatzin* pro festo Pen-
tecostes aduenit. Quo cum suam Serenita-
tem *Alexander Moldauia* Voienoda cum con-
sorte sua, & maxima militum suorum cohorte,
accessit, & a *Wladislao Polonia* Rege, frequen-
tissimam militum pompam etiam tunc habentem,
benigne exceptus est, & multipliciter hono-
ratus. Deuotionem autem & fidem erga
Wladislau Polonia Regem monstraturus, si-
bi, in corona & maiestate sedenti, vt & tan-
quam Regi *Polonia*, & coronæ Regni *Polonia*,
fidelitatis & subiectionis, cum omnibus Boiaris
terra: *Valachia*, solenne præstitit homagium, &
fidelitatis corporale iuramentum, protectissimam
terram ad pedes Regis banderis. De quo &
litteras patentes dedit, quæ in thesauro habentur
ad rei memoriam sempiternam. Deinde Re-
gem ipsam & *Annam* Reginam, & omnes Baro-
nes & militares Regiõs, ad prædium inuitans,
transiit oppidare. Munera quibus notabilia
Regi & Regine obtulit. Sed & inter præ-
mores Regni Barones dona largietur distribuit.
Venerunt insuper sub eo tempore ad *Wladis-
lau Polonia* Regem Nunci Patriarchæ & Im-
peratoris *Græcorum*, cum litteris & bullis pluri-
beis, quatenus dignaretur eis, a *Turcis* mul-
tissime lacessitis & oppressis, frumenti tantum-
modo largitione subuenire. *Wladislau* An-
tem *Polonia* Rex, necessitati eorum satagens
copiam commiseratione succurrere, petitam fru-
mentum quantitatem dat & largitur, & in portu
suo Regio *Kaczwyziow*, per eos recipendam,
consignat. Datis autem *Alexandro Molda-
uia* Voieuoðe & sue consorti donis reuerfal-
ibus, & *Anna* Regina *Cracouiam* remissa, pro-
cessit in *Camyenicz*, ab inde vero per *Smo-
rizez*, *Nyeczicz*, *Krzymenicz*, *Raisko*, *Sa-
dowia*, *Turcziko*, *Kolrin*, *Mitcho*, in *Lithuani-
am*, inuitationi *Alexandri Wisbaradi* satis-
facturus, descendit. Quo de *Kobrzin* in *Mi-
tcho* agente iter, feria sexta post octauas Cor-
poris Christi, tertiarum hora, eclipsis notabilis
in Sole caelestia apparuit. Quo *Wladis-
lau* Regem & suos, velut inopinata & ignota,
primum in admirationem & stuporem ad
extremum in religionem vertit. Erat enim a-
deo notabilis, vt alites subita caligine deterri-
tes, in terram deciderent, & sidera non secus
quo nocte colluereent. Rex quoque *Wla-
dislau*, tenebris arcibus, cogebatur pre-
mere gradum, nec prius procedere poterat,
donec obscuratio Solis cessasset. Ex *Mitcho*
Wladislau Rex, per *Polthomika*, *Pajstjicki*,

Alexander
Moldauie
Palatinus
Snyatzin
Solenne præst-
it homagium
Regi & Regno
Polonia.

Patriarcha
& Imp. Graecorum
pressis bello
Turcico magna
frumenti copia
a Wladislao
subministratur.

Eclipsis solis
suspenda,

& *Schjstky* procedens, in *Troky* venit. Cui
Dux *Alexander Wisbaradus*, cum Magistro
Liuonia dicto *Lander* vnum miliare occu-
rens, eum suppliciter excepit, & in
Castrum alann, in medio lacus situm, cum om-
nibus militibus suis recolligens, splendidè
tractauit. Altera deinde die, Regem in the-
saurum Ducelem introducens, viginti milli-
bus marcarum latorum, grossorum, quadra-
ginta vestibus iuductis pellibus sabellinis, cen-
tum equis, centum purpulis, Regem *Wladis-
lau*: item omnes Regios milites, aliis mu-
neribus donat. Quo singula sibi donata, Rex
Wladislau per Vice Cancellarium suum
Dunin, & magnos Barones *Polonia* a se remis-
sos, *Cracouiam*, in thesaurum Regium con-
denda, transiit; que tandem omnia, in tem-
poris processu in realites & familiares suos libe-
ralitate munificè distribuit.

Ex *Troky* *Wladislau* *Polonia* Rex, comi-
tatus ab *Alexandro Wisbarado*, in *Koyno*
transiit. Ab inde vero usuali itinere ad *Ca-
strum Viduonia* prædium constructum, Duce
Alexandro Wisbarado in *Koyno* remanente.
Ex *Viduonia* vero in castrum *Vilkouyria*, supra
flumen *Sanyaba* situm, & postea in *Dubingy*,
vbi *Alexander Wisbaradus* nouiter arcem no-
uam erexerat, processit. Ex *Dubingy* in *Ny-
mientzani*, *Biazdam*, *Kostlorin*, in veneti-
cum loca diuertens, pro festo Visitationis
Sanctæ Mariæ Virginis *Vilnam* venit. In qua
diebus septem exactis in *Polonia* Regnam per
Rudominis, *Eslam*, *Nouogrodem*, *Czestochow*,
Kloczko. A *Kloczko* vero ad *duoio Sleszka*, de-
que ad flumina *Przywiec*, per *Grodok*, *Lucz-
ko*, *Saulehye* & *Wladislau*, *Ludomlyz*,
Göelm, *Krasnibor*, *Zakowycze*, procedenti,
interuehatur. Festo autem Natuitatis Sap-
tæ Mariæ Virginis, apud *Sandomiriam*
celebrato, per *Visticiam*, vbi ab *Anna* Regina
exceptus est, item per nouam *Ciuitatem* in
Præstiborinicz, ex *Præstiborin* tertiam *Lü-
binesem* & *Dobrosani* descendit. Ab inde
vero nationis solitis in *Russiam* transiit. Re-
ge autem agente in *Dobrosani*, *Lanskye* de
Præstiborin Castellanus *Caligensis* ex Con-
silio *Constancien* venit. Et Regi singula
illique apud *Constanciam* per suos Collegas
& ipsum acta sunt, ex ordine relatis, a Rege
primum, deinde a *Wisbarado Alexandro*, qui
in *Lithuani* & ex *Dobrosani* processit, de ser-
uandis inter Regem *Wladislau*, & *Alexan-
dram Wisbaradam* abvna, & *Sigismundum*
Romanorum & Hungaria Regem, dudum con-
fæditis foederibus, corporale iusurandum ex-
Regem & *Sig-
git*: & in *Constanciam* reuertus, *Sigismundo*
Romanorum & Hungaria Regi de consummatione
foederis certificato, & fidei literas, si-
bi Regis & Ducis nomine traditas, & suas re-
uerfales, iuramento pari exacto, accepit.
Russia peragrata *Wladislau* Rex, pro festo
Sancti *Marii* *Nygodom* cum aliis inde ite-
runt

1415
Magister
uonia Lander
Regim
dne tractat
& domi ce-
mulat.

ненавистных им католиков. В свою очередь, и польский король, и великий князь литовский искали компромисса со своим русским православным населением, с одной стороны, и с целью вызвать доверие со стороны мятежных валашских феодалов, с другой, обратились к константинопольскому (вселенскому) патриарху с просьбой об установлении двойного митрополичества в русской православной церкви.* В Византии наотрез отказывались вернуть митрополита из Москвы в Киев, но, руководствуясь собственными внешнеполитическими интересами, рассматривали возможность в 1415 г. установить двойное митрополичество, минуя термин «Всея Руси». Причем одно в Москве, для православных Великого княжества московского, другое в Киеве, для русского православного населения Великого княжества литовского и сопредельных с ним государств, включая Польшу, Молдавию и Валахию. Что и было сделано в том же 1415 году, когда Григорий Цамблак был поставлен митрополитом Литовским и Русским в Киеве. Вот об этом и повествует со своей своеобразной римско-католической интерпретацией Ян Длугош:

*«Venerunt insuper sub eo tempore ad Wladislaum Polonie Regem Nuncii Patriarchae et Imperatoris Graecorum, cum literis et bullis plumbeis, quatenus Lignaretur eis, a Turcis multifarie lacessicis et oppressis, frumenti tantummodo largitione subuenire. Wladislaus antem Poloniae Rex, necessitati eorum satagens pia commiseratione succurere, petitam frumenti quantitatem dat et largitur, et in portu suo Regio Kaczubyeiow, per eos recepiendam, consignat, Datis autem Alexandre Moldauiae Voieuedae et suae consorti donis reuersalibus, et Anna Regina Cracouiam remissa, processit in Camyeniecz, ab inde vero per Sthotricz, Nyeswicz, Kobrin, Krzemyeniecz, Raisko, Sadowie, Turzisko, Mitbo, in Lithuuniam, inuitationi Alexandri Withawdi satisfactus, desendit».***

Теперь берем наугад любое издание, претендующее на знание вопроса. Совершенно все равно, какое именно, ибо написаны они под копирку, непостижимым образом сподобившихся огром-

* См. письмо по этому вопросу польского короля к великому князю литовскому: Ягайло – Витовту, 18 окт. 1415 г. – Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376-1430. Cracouiae, 1882, pp. 331-333.

** Długosz J. Op. cit., p.367.

ный пласт исторического материала четырехсотлетнего периода до основания Одессы поместить в несколько строчек. Вот, для примера к сказанному:

«Историчні документи дуже скупо оповідають про заснування поселення, яке через кілька століть було перейменовано на Одесу. Першою згадкою про цей населений пункт є свідчення польського хроніста XV ст. Длугоша, який вказував, що в 1415 році польський король Владислав Ягайло відправив з порту під назвою Кацюбіїв транспорт збіжжя до обложеного турками Константинополя. У пізніших документах місто стало називатися Гаджибей (Хаджибей)».^{***}

Пойдем вначале, так сказать, по простому пути. Любой желающий, хотя бы смутно помнящий латинский алфавит, пусть самостоятельно попытается найти в приведенном выше отрывке истории Яна Длугоша слово море (mare, Pontus) или слово Константинополь, в который якобы была отправлена польская пшеница морем на кораблях, вышедших из славного польского города и порта Коцюбиев. Думается, задача несложная, но все же не трудитесь, таковых слов ни в прямой, ни в их производной форме в доподлинном тексте Длугоша найти невозможно. Следовательно, авторы, ссылающиеся на данный текст, элементарно неточны. Вообще-то, подобные вещи на всех языках мира именуются профанацией науки, другими словами, подлогом текста, на основе которого делаются те или иные заключения. Однако отвлечемся на некоторое время от рассматриваемого отрывка, чтобы понять, насколько непростой была задача для Длугоша описать события этого года.

Для польского католического священника король Ягайло, он же Владислав II, призван был олицетворять не просто идеальный образец польского государя, но, прежде всего, защитника и послушного сына папского престола, эталон ревностного католика и защитника римско-католической веры против неверных и схизматиков. В то же время не упомянуть о столь значительном событии, как обращение к константинопольскому патриарху об установлении самостоятельной православной митрополии

^{***} Ми – одесити. – Експ. навч. Посібник з краєзнавства для учнів шкіл, ліцеїв, гімназій / За ред. проф. С.В. Козицького. – Одеса, 1997, с. 17.

в Киеве, было невозможно. Сие обозначало бы, что король, якобы поклявшийся перед ликом святого Петра искоренить схизму на подвластных ему землях, обратив русское православное население в правоверных католиков, вовсе и не был столь последовательным верующим, когда дело касалось его личных и государственных интересов. Ибо вряд ли Длугош не ведал о переписке Ягайло с великим князем литовским Витовтом за 1414-1415 гг. Эта переписка, ведшаяся на немецком и латинском языках*, подтверждает, что именно польский король являлся инициатором учреждения митрополии в Киеве. Называя вещи своими именами, этот шаг как бы узаконивал сосуществование католического клира с ненавистными Длугошу схизматиками. Впрочем, нелишним будет заметить, что и в православной церкви, в свою очередь, имя Ягайло, перешедшего в католицизм из язычества, всегда сопровождалось эпитетами «поганый» и «нечестивый».** Не менее «лестной» репутацией в православном мире пользовался и великий князь литовский Витовт, совершивший немислимый кругооборот в собственных религиозных воззрениях – от язычества к православию, затем к католицизму, и вновь к православию, и опять к католицизму. Вот и попробуйте после этого из подобных личностей попытаться слепить героический образ ревностных католиков. Но Длугошу Витовт и не был столь принципиально важен с точки зрения основ его исторической концепции, а потому он с легкой душой очертил даже путь королевы Анны Краковской от Каменца и далее во владения Витовта ниспадающие, умолчав, естественно, о цели и миссии данного вояжа.

Но не будем более пролонгировать эту тему, уже хотя бы потому, что авантюра Витовта и Ягайло не удалась. Ибо православный мир не принял двойственной формулы митрополита Всея Руси, выразившейся в добровольном отказе от митры Григория Цамблака, а по утверждению православных источников, после предания его патриархом Евфимием низвержению и проклятию с последующим удалением его в монастырь в 1419 г. Нас же в этом отношении инте-

* См. упомянутое издание за 1414-1415 гг.: Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae, 1376-1430.

** См., например: О побоище, иже на Дону, и о том, князь великий како бился с Ордою / Древнерусские тексты / Сказания и повести о Куликовской битве. – Сер. «Литературные памятники». – М., 1982, с. 16 и далее по тексту.

ресуют не церковные разборки 1415 г., а именно то, почему данные схоластические вопросы вдруг возникли в контексте истории Одессы как таковой.

Предположим, что византийский император действительно бы просил продовольственную помощь от второстепенного государства Европы, дабы прокормить «осажденный Константинополь» в 1415 г., хотя ни в тот, ни в предыдущий, ни последующий год никто даже и не думал осаждать столицу Византии. Предположим также, что по каким-либо причинам эту функцию император не поручил генуэзцам, которые за особые привилегии в торговле через константинопольский порт способны были пополнять город ресурсами богатейших стран черноморского и средиземноморского бассейна, что они, кстати, и делали. Можно допустить также, что у такой бедной страны, как Польское королевство, на тот момент образовался столь значительный излишек продуктов, что она способна была бы предоставить хлеб Константинополю, пусть хотя бы в размере однодневного запаса. Впрочем, нелишним будет напомнить, что если бы была возможность собрать все польские города того времени вместе взятые, вкупе со всеми шляхетскими замками и домами, то они бы вряд ли достигли и половины размеров византийской столицы. Повторимся, все это можно лишь представить. Но вообразить себе, что с подобной «просьбой» мог обратиться вселенский патриарх к католическому государю, – это уже из области совершеннейшей фантастики. А Длугош этого и не делает. Он просто растворил факт получения писем со свинцовой печатью от греческого императора и патриарха, не раскрывая ни их содержания, ни тематики, между описанием событий феодальной смуты в Валашском и Молдавском княжествах, упомянув, естественно, что и Византия терпит великие обиды со стороны турок. Но при этом в конце данной сентенции он честно пишет, что помощь была оказана Александру, воеводе молдавскому, и его братьям, то есть сторонникам Александра.

Хотелось бы при этом заметить. Да, Длугош тенденциозен, он делал все возможное, чтобы спрятать факты, не выгодные папскому престолу, выпячивая и преувеличивая пристойные, да и мало пристойные дела его церкви. Но делал он это, следует

признать, мастерски. С тем шармом средневековой варварской латыни, к которой и близко не приближались последующие творения отцов-иезуитов в XVI-XVII вв. с их жалкими прямолинейно-примитивными фальсификациями фактов и грубыми подменами документов. Тем более недопустимо даже мысленно ставить на один уровень с Длугошем такого мало достойного фантазера, как епископ Кромер, о котором еще будет сказано. Между тем все это пишется для того, чтобы подчеркнуть, что Ян Длугош был одним из наиболее образованных людей своего времени, крупным дипломатом, участвовавшим в выработке статей Торунского мира 1466 г., открывшего Польскому королевству путь к Балтийскому морю. А потому заподозрить его, мягко говоря, в незнании элементарной грамматики латинского языка никак не возможно. Вот теперь и перейдем к окончательному рассмотрению указанной части его истории.

Где и при каких невероятных допущениях в рассматриваемом отрывке можно было прочесть об отпуске зерна из порта Коцюбиев, как мы понимаем теперь, отнюдь не в Константинополь, а в Молдавию, хотя нам здесь это сейчас абсолютно безразлично, если черным по белому пишется: «*Wladislaus antem Poloniae Rex, necessitati eorum satagens pia commiseratione succurere, petitam frumenti quantitatem dat et largitur, et in portu suo Regio Kaczubyeiow, per eos recepiendam, consignat, Datis autem Alexandre Moldaviae Voieuedae et suae consorti donis reuersalibus...*». Каким немислимым образом союз «и» (*et*) вдруг превратился в предлог «из», совершенно непонятно, ибо, должно заметить, его грамматические функции остаются неизменными во всех индоевропейских языках, как говорится: *Et nunc, et semper, et in saecula saeculorum* (И ныне, и присно, и вовеки веков). Следовательно, фраза: «и в порту его величества Коцюбиеве, на гранитной скале расположенном, постановил даровать также Александру Молдавскому воеводе и его братьям подарки заимообразные...», должна читаться так, как она написана, и никак иначе, ибо в каком-либо другом смысловом выражении она становится элементарно безграмотной, а потому и бессмысленной. Вот вам и вся разгадка ссылок проводников коцюбиевской фальшивки на так называемые «темные» и «непонятные» места у Длугоша.

Кому и зачем понадобилась эта фальшивка, известно. Она родилась в недрах польского движения, появившегося до и после поражения восстания 1831 г. в Польше и вспыхнувшего с новой силой после аналогичного результата восстания 1863 г. Теория о происхождении поляков от сарматских племен, столь популярная среди польской шляхты в XVI-XVIII вв., аж никак не подходила для лозунга о восстановлении польской государственности «от жожа до жожа». В недрах данного движения и зародилась отнюдь не самая оригинальная выдумка о польском городе на Черном море в XV в. Как и другие подобные легенды, она совершенно не нуждалась в каких-либо научных доказательствах, ибо предназначалась для других целей, а именно для пропагандистских, причем среди невежественных слоев населения. В этом случае требовался не столько поиск истины, сколько правдоподобность излагаемых сведений. Парадокс же заключался в том, что из десятков самых разнообразных легенд и мифов, распространяемых в бесчисленных брошюрах, публиковавшихся в Польше и в среде польских эмигрантских кругов во Франции того времени, но которые в образованных кругах никто всерьез не принимал, выжила одна из наиболее нелепых сказок – собственно «коцюбиевская».

Однако важно не это, а то, кто ввел в научный оборот под видом документального источника историю Длугоша. Используя, во-первых, редкость данного издания, так как, напомним, до ее публикации в Германии в XVIII столетии работа Длугоша была запрещена к печати в Польше, ибо не соответствовала интересам правящей шляхетской группировки, победившей ту, интересы которой представлял ее автор, и потому была знакома весьма узкому кругу специалистов. А во-вторых, фактически подменил смысл текста Длугоша, смешав его с текстом вовсе не почитаемого за авторитетный источник в исторической литературе подражателя и интерпретатора польского историка Мартина Кромера, жившего в XVI веке. К стыду умственной жизни Одессы конца XIX в., авторство сего деяния принадлежало профессору Новороссийского университета А.И. Маркевичу.* И тот факт, что за подоб-

* Маркевич А.И. Город Качибей, или Гаджибей – предшественник города Одессы // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. 17, ч. II, с. 1-68.

ные «вольные» отношения с историей Маркевич был лишен профессорского звания и права преподавать в университете, вряд ли может служить утешением.

Конечно, никто не застрахован от заблуждений, а тем более от ошибок. В конце концов, *errare humanum est*, и правом на ошибку обладает любой человек. Но в случае со статьей Маркевича мы имеем дело не с заблуждением, а с совершенно очевидной сознательной фальсификацией источников и искусственной подтасовкой взаимоисключающих друг друга материалов компилятивного характера. Рассматривать это нагромождение претензий каких-то польских шляхтичей ко всем населенным пунктам с названиями, начинающимися на букву «К», – Коцюбиев, Кочубей, Коцюкленов и т. п., являвшимися якобы предшественниками Одессы, решительно невозможно. Да и нет нужды. А чтобы отбросить сомнения, предоставим слово самому Маркевичу, неожиданно уяснившему себе, что Северное Причерноморье и Подолия это вовсе не один и тот же регион. Через год после публикации своей статьи тот же автор пишет: «В последнее время частью в зависимости от столетнего юбилея г. Одессы, частью по случайному совпадению появилось несколько изданий и сочинений со сведениями, касающимися г. Качибей; кое-какие же указания нашлись и в прежних трудах, которыми мы не успели воспользоваться для нашей статьи ввиду спешности, с которою мы ее печатали».* И что же собой представляли «кое-какие» прежние указания? Всего-навсего существование двух польских городов Коцюбиевых – один подольский, другой – ведь не обманывал же Длугош – черноморский: «Считаем по-прежнему очень вероятным, что один из них был колонией другого, и несомненным, что название Качибей указывает на татарское происхождение старшего из них; но который является старшим? Остаемся пока при мнении, что подольский. Татары владели Подолием до 60-х годов XIV в. (?!!); здесь они имели свои аулы (?!), которые по представляющемуся нам вероятным домыслу Ролле, частью преобразовы-

* Маркевич А.И. Город Качибей, или Гаджибей – предшественник города Одессы (Дополнительные заметки к статье того же названия, напечатанные в Записках Императорского Одесского общества истории и древностей, Т. XVII). – 300ИД, т. 18, с. 81.

вались в села, и в том числе Kaezebijow».** А теперь скажите, кто хитрился, к примеру, в следующей сентенции отыскать хотя бы крупицу здравого смысла: «Можно бы привести в доказательство старшинства подольского Качибей над черноморским еще и такое соображение: татары ушли из Подолия в конце 14 в., значит, Качибей был здесь раньше этого времени, тогда как на морских картах наш Качибей в это время не упоминается; но этот аргумент парализуется тем фактом, что при в. кн. Витовте татары селились в Подолии...»*** и т. д., и т. п.

Таким образом, не отдохнув еще после сказки о Коцюбиеве на месте Одессы, историю которого автор изложил более чем на шестидесяти страницах, он ровно через год призывает изумленного читателя начать поиски Коцюбиева подольского, о месте нахождения которого и сам не ведает. Не говоря уже о том, что даже не догадывался, что монголы, включившие все Северное Причерноморье в состав Золотой Орды, вовсе никогда не включали ни Подолию, ни Волынь в качестве тарханских земель, ввиду неудобности их для пастбищ. Другой вопрос, что данные территории были зависимы и более других страдали на протяжении столетий от монголо-татарских набегов. Однако подобный статус носило и Польское королевство, и Великое княжество литовское, и Великое княжество московское, исправно платившие дань и упоминки Крымскому ханству даже тогда, когда сделались Речью Посполитой и Русским царством, вплоть до начала XVIII века. Также здесь нелишним будет отметить, что Ягайло, а затем и его «заклятый друг» и двоюродный брат Витовт**** отнюдь не доблестью своей получили право именоваться великими князьями литовскими, но после получения, вернее, покупки ярлыков на великое княжение в Золотой Орде. Компенсируя, естественно, свои «убытки» увеличением поборов с населения русских княжеств, составлявших подавляющее большинство их подданных. Как раз Подольское княжество дольше других сопротивлялось положе-

** Там же.

*** Там же, с. 82.

**** Любопытно, кому и когда из «исследователей» пришла мысль о «дружбе» сих двоюродных братьев? Не тогда ли, когда Ягайло умерщвлял родственников Витовта, а тот, в свою очередь, на чем свет резал сторонников и родных Ягайло? Впрочем, вопрос риторический.

нию, при котором помимо ордынских налогов нужно было оплачивать и великокняжеские, и, что уж совершенно точно, никак не могло превратиться в польскую территорию ранее 1431 года.

Ну да Бог с ней, с Подолией. Весь этот нонсенс может быть расчитан лишь на людей, не имеющих элементарных ориентиров ни в пространстве, ни во времени и не способных уяснить себе, что всего лишь одна современная Одесская область превышает всю суммарно взятую площадь Крымского полуострова. Но до какой еще степени деградации нужно дойти, чтобы отрицать самые элементарные факты того, что никогда, ни в один исторический период границы польской и литовской государственности не простирались далее регулярно сжигаемых белгородскими ногайцами Вроцлава и Винницы в Восточной Подолии, и Каменец-Подольского в Западной? Щедрые люди. Не собираются ли они по аналогичной методике заняться поиском Елисейских полей и Сен-Жерменского предместья в окрестностях Берлина? Но главное, каким цинизмом нужно обладать, чтобы игнорировать результаты Катастрофы на Ворскле 1399 г.! Ведь это было не просто сражение, проигранное Витовтом, а самая настоящая бойня, в которой золотоордынцами Эдигея была вырезана подавляющая часть всего боеспособного населения Литвы, Польши и русских княжеств, и это помимо отрядов западноевропейского рыцарства, включая тевтонцев. Подобной мясорубки Европа классического Средневековья даже приблизительно не знала по своим масштабам и последствиям, оказывая влияние на судьбы региона на многие десятилетия вперед. Именно с того времени термин «Дикое поле» (*dzikie pole*) стал олицетворять собой нечто более пугающее и страшное, чем даже термин «чума». Сотни тысяч человеческих судеб, ограбленных, убитых, угнанных в рабство людей, о которых не повествуют, а буквально вопиют анналы отечественной истории с самого начала XV в. и вплоть до разрушения Крымского ханства во второй половине XVIII столетия, вдруг, в одночасье, превратились в пустой звук. И все это только ради того, чтобы с размахом восточного владыки одарить *post factum* каких-то шляхтичей, утративших моральное право именоваться рыцарством задолго до уничтожения их национальной государственности, территорией не существовавшего

города на берегу Черного моря. Да полноте, о какой исторической науке здесь идет речь?

Полунаивная хитрость Маркевича заключалась в том, что он не просто выдал текст истории Длугоша за исторический документ, но и искажил его, поставив точку там, где в оригинале стоит запятая после «consegnat»*. Однако сознавая, что любой человек, понимающий смысл написанного, сочтет данную sentence абсурдной, тут же вставил русскими буквами «Кромер» и продолжил компиляцию латинского текста, выдернутую уже из исторической работы Мартина Кромера. Соединив, таким образом, двух совершенно разных историков, принадлежавших совершенно разным эпохам и имевших отнюдь не схожий менталитет, цели и задачи, в единое целое одним абзацем, да еще и снабдив прямой текст источников единой ссылкой на самого себя, указав исходные данные еще на четвертой странице, а текст на тринадцатой. И это не поспешность автора, как можно было бы подумать, а совершенно умышленная уловка, дабы выдать текст единым целым, не разделив его две составные части хотя бы сносками.

Казалось бы, что еще нужно для «новорожденной теории»? Вот вам текст католического епископа с искомыми данными – здесь и порт морской, и Константинополь, и зерно. Только вот почему-то прямые ссылки на ультрамонтана Кромера, как правило, отсутствуют, а если и присутствуют, то как бы мимоходом, но с неизменным приписыванием его слов Длугошу. Помня, сколь вольно интерпретировался текст последнего, усомнимся в добро-совестности авторов, цитировавших и работу Мартина Кромера.**

Даже поверхностного взгляда на эту часть опуса Кромера достаточно, чтобы понять, насколько непростой задачей является ее цитирование для ищущих город в 1415 г. Ибо ссылаться на нее равнозначно, по меньшей мере, пользованию отсылками на барона Мюнхгаузена. С той лишь разницей, что барону Карлу Фридриху Иерониму девиз «Mendace veritas» («Истина во лжи») был создан искусственно, а в указанном случае – он, так сказать,

* Маркевич А. – 300ИД, т. 17, ч. 2, с. 13.

** Martini Cromeri. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. – Basileae, 1555, p. 409.

peratam, ipsi iterum eriperent, suis profligatisq; Vngaris, Vuladislau missa ad turcas graui & minaci legatione, sex annorum inducias inter eas gentes, captiuis Vngaris, proceribus liberatis, cōfecit: pacem quoq; perpetuam cōfecisset, ni Pipo Florentinus comes Themelsianis temerè omnia turbasset, capto pro exploratore Gregorio Armeno Vuladislai internuncio, qui Turcicæ legationi de pace ueniēti tutum ad Vngaros accessum præstructurus antecesserat. Prosperè tamen postea rem contra Turcas gessit aliquoties Nicolaus Petri Macedonis filius, absente Sigismundo, eosq; Bosna expulit. Interea Vuladislau rex Lituaniam, Poloniam, Rufsiam continentibus ferè itineribus obiuit. Et Sniathini cum esset in Rufsia ad Pentecosten anni sequentis 1415, uenit ad eum Alexander palatinus Valachorum, permagna & splendida nobilitatis suæ caterua stipatus: adoratoq; publice rege, & uexillo ad pedes eius proiecto, & dato conceptis uerbis iureiurando, in fide & clientela eius atq; Polonorum se fore semper promisit, & per ampla munera ei dedit, ab eoque uicissim accepit. Venit & ab Imperatore atq; patriarcha Constantinopolitano legatio, frumentarium subsidium petens. Vehementer enim à Turcis infestabantur & premebantur. Quorum princeps Mahometes recuperatis in Asia ijs, quæ Tamerlanes auctoris eius ademerat, imperij sedē Prusa Adrianopolim trāstulerat: & iam transalpinos Valachos uexabat, iam Constantinopoli ac toti Græciæ ferrox imminēbat. Vuladislau rex inopia laborantibus Constantinopolitanis liberaliter opitulatus, in Cacybei portu maris Pontici, qui in ditioe Polonorum tunc erat, frumentum ad mensus est: inde in Lituaniam rursus diuertens, uiginti millia marcarum Pragensium, quadraginta uestes Sabellinas eximias, centum equos, totidemq; aureos pannos à Vitoudo dono accepit. Anno sequenti cum Annam reginam mortuam Cracouiæ sepelisset, rursus in Lituaniā profectus, apud Velunā Samagitiæ cum Cruciferis Prusienfibus pariter atque Lituoniensibus, de regundis finibus Samagitiæ, ac de pace perpetua constituenda conuentumq; egit: sed Cruciferis intolerabili fastu tumētib; neq; ullam æqui & iniqui rationem ducentibus, re infecta discessum est. Augebat autem eis spiritus, ut creditum est, societas cum Tartaris inita, qua eos ad uastandos Rufsicæ fines excitabant. Nec multo post ingens uis barbarorum duce Ediga in Kiouienfem tractū improuiso effusa, ferro igniq; omnia depopulata est. Urbem quoq; ipsam Kiouiam diripuit ac diruit. Atque ex eo tempore ea splendorem pristinum nunquā recuperauit. arce quidem, summa ui oppugnata, potiri non potuit: & ingentem pecudum hominumq; prædā abegit. Rex pro eo quod hostes bello persequi debuit, Sanoci nuptias celebrauit, indignas illa ætate, & nomine ac dignitate sua, ducta in matrimonium Elizabetha Pilecia, Ottonis palatini quondam Sandomiriensis filia, uidua prouectæ iam ætatis & essecta: quippe quæ uirgo propter magnitudinē dotis à Morauo quodam rapta, eiq; aliquanto post ab alio quodam Morauo item erepta, & interfecto priori rapitore, in loco iustæ uxoris habita: ad extremum Vincēntio Granouio castellano Naclensi gente Toporo, despondente Spitz

Ff cone Mel

1415 ann.
Palatinus Valachie Alexan-
der uenit in
uexilla regis Po-
lonorum.

Legati Costan-
tinopolitani
Imperatoris ad
regem Polono-
rum.

Cacybeus por-
tus in ditioe
Polonorum.

Dono regi à
Vitoudo date.

Anna regina
mortua.

Conuentus Li-
tuaniensium cum
Cruciferis.
Tartari Rufsia-
m uastarunt.

Rex Elizabetham Pileciam
uxorem tertiam
duxit.

естественен. То, что рассматриваемый отрывок истории Мартина Кромера представляет собой всего лишь своеобразную вольную интерпретацию на тему фантазии из истории Яна Длугоша, становится очевидным сразу. Однако это не какой-нибудь банальный плагиат. Быстрее, создается впечатление, что польский священник, ранее ознакомившись с текстом Длугоша, при написании своей истории припоминал прочитанное, дополняя провалы памяти иногда реальными источниками, взятыми из других опусов, но чаще всего восполняя возникшие пробелы собственной фантазией.

Итак, у Кромера король Ягайло повышается в своем историческом статусе, уже именуется «*Vuladislauus rex Lituaniam, Poloniam, Russiam continentibus*». Вряд ли стоит говорить, что подобное «ухищрение» случайно накануне подписания унии второй половины XVI века. Но даже и тогда польский король не носил несуществующий титул короля Литвы, присоединив к своему собственному титулу великого князя литовского и русского. Относительно же истории начала XV в. это и вовсе выглядит вызывающе нелепо. Ну, это так, только для иллюстрации «беспристрастности» польского епископа. Как и Длугош, Кроммер начинает изложение событий 1415 г. с Дунайских княжеств. Только теперь у него переговоры с польским королем о защите своих владений ведет не Александр молдавский воевода, а «*Alexander palatinus Valachorum*». Зачем понадобилось путать молдавского сюзерена с валашским, ведомо только польскому епископу. Хотя это и не принципиально важно, так как ряд средневековых авторов допускали подобные неточности регулярно. По этой же причине совершенно понятно, почему опускаются любые упоминания о важнейшем вопросе для оформления вассально-ленных отношений между православным Александром Добрым Молдавским и католическим Владиславом II. Но опять-таки, нас интересует именно тот отрывок, который касается якобы предшественника Одессы. Приведем его в том виде, в котором он предстает в оригинале, без изменения орфографии и пунктуации. Причем в пределах собственно тех предложений, которые предлагаются нам Маркевичем и его последователями в качестве канонического текста:

«Venit et ab imperatore atque patriarcha Constantinopolitano legatio, frumentarium subsidium pitens. Vehementer enim a Turcis infestabantur et premebantur. **Quorum princeps Mahometes recuperates in Asia ijs, quae Tamerlanes auo eins ademerat, imperii sede Prusa Adrianopolim transtulerat: et iam transalpines Valachos uexabat, iam Constantinopoli ac toti Graeciae ferox immenebat.** Vuladislaus rex inopia laborantibus Constantinopolitanis liberaliter opitulatus, in Cacybeio portu maris Pontici, qui in ditione Polonorum tuncerat, frumentum admensus est: **inde in Lituaniam rursus diuertas, uiginti millia marcarum Pragensium, qudraginta uestes Sabellinas eximias, centum equos, totidem que aureos pannos a Vitoudo dono accepit.**»*

Выделенные жирным шрифтом предложения есть не что иное, как опущенные Маркевичем при цитировании слова. Повторимся, никакой это не документ, и даже не интерпретация такового, а всего лишь вольная фантазия на историческую тему церковника-монаха. Тем не менее, извольте. Из контекста видно, что в 1415 г., с вторжением в Малую Азию Тамерлана магометанские князья вынуждены были перенести свою резиденцию из Прусы в Адрианополь. В этих условиях взятому в подобные клещи Константинополю уже вряд ли удалось бы уцелеть, ибо одно имя Тамерлана, заставлявшее трепетать всех европейцев, являлось гарантией исполнения худших опасений для его противников. Только вот для воплощения в жизнь данного действия в указанном году хромой Тимур должен был воскреснуть и десять лет пробираться от китайской границы до Анатолии, так как умер на пути в Китай еще в 1405 году. В реальности войска Тамерлана нанесли сокрушительное поражение туркам в битве при Анкаре еще в 1402 г., отведя тем самым угрозу от столицы Византии, тогда как турки на протяжении нескольких последующих десятилетий не могли полностью оправиться после страшного разгрома их армии во главе с султаном Баязетом. Впрочем, Кроммер нигде и не пишет об осаде, говоря только об обидах и притеснениях от турок Константинополю и всей Греции. Да и то, делает это только после того, как указывает, что турки «et iam transalpines Valachos uexabat» (uexabat = vexabat), то есть «и уже трансальпийских

* Ibidem.

валахов подвергли гнету, уже Константинополь, а также и всю Грецию необузданностью своею тревожили». Следовательно, если мы правильно понимаем употребляемый Кроммером термин «*transalpinos Valachos*» (видимо, «закарпатские валахи»), дамоклов меч турецкой опасности навис не столько над Константинополем, сколько над прикарпатской Молдавией, Венгрией, Трансильванией и литовской Подолией. Другими словами, над той территорией, сюзереном которой по династическим, вассально-ленным и прочим причинам желал стать польский король. Вы спросите: а при чем тут Северное Причерноморье? Вот и мы о том же.

Но самое неприятное для новоявленной «теории» Маркевича заключалось в том, что Кроммер о ней ничего не знал. Казалось бы, вот она, заветная фраза, отысканная среди сотен тысяч страниц анналов польской истории: «*in Casybeio portu maris Pontici, qui in ditione Polonorum tuncerat, frumentum admensus est*», и искомый в нужном месте «Кацюбейо» найден. Ан нет, не поставил в «нужном месте» польский историк точки. За него это сделал собственно Маркевич. Тогда как Кроммер продолжил фразу: «*inde in Lituaniam rursus diurtas, uiginti millia marcarum Pragensium, qudraginta uestes Sabellinas eximias, centum equos, totidem que aureos pannos a Vitoudo dono accepit*»**, начисто убив саму возможность столь желанного факта для «коцюбьевской» легенды. Таким образом, Маркевич дважды пользуется одним и тем же приемом, ставя точку там, где ее быть не может, в тексте Длугоша, и там, где она желательна для него, в тексте Кроммера. А если это не умышленная фальсификация цитируемого материала, то что же?!

Конечно, для людей конца XIX столетия уже было трудно себе представить, что на месте первоклассного европейского города и порта, каким стала Одесса в означенное время, всего лишь за столетие до этого не было ничего, хотя бы смутно напоминающего о ее будущем величии. И входить в объяснение сложной проблематики специфичности различных исторических эпох, равно и социально-экономических систем при ответе на элементарный вопрос людей, не понимающих разницы между терми-

** «откуда в Литву взаимобразно вернуть двадцать тысяч пражских марок, сорок шуб соболиных отменных, сто коней, столько же кусков материи, золотом обшитых, Витовту дарением полученных» – *ibidem*.

нами «народность» и «национальность», «а что же здесь было до этого?» не столь просто, как это может показаться. Это присуще далеко не только исторической науке, где для подобных вопросов создаются «правдоподобные», но совершенно невежественные ответы. Вспомним в этой связи формулу *«procul este profani»*, когда под видом школьного образования сложнейшие вопросы мироздания преподносятся в таком виде, чтобы едва научившийся читать мальчик или девочка смогли произнести заветную фразу: «теперь мне все ясно».* Тем не менее, сказанное вовсе не служит оправданием профессору Маркевичу, но лишь какой-то долей позволяет хотя бы понять мотивацию столь грубой профанации науки. Однако совершенно другой вопрос, когда порожденная и сразу же высмеянная новоявленная теория панславизма конца XIX века вдруг сделалась составным элементом государственной идеологии большевизма в середине века двадцатого.

Теперь уже мало кто может понять, зачем коммунистической пропаганде уже после второй мировой войны понадобилось реанимировать это нелепое порождение панславизма конца XIX века.** Но не вдаваясь в рассмотрение данной псевдонаучной идеологической доктрины, усомниться в постулатах которой уже не смел в то время никто, невзирая на чины, научные звания или

* Кстати, формула выведена классиками идеально: «А вдруг они не золотые?» – спросил любимый сын лейтенанта, которому очень хотелось, чтобы Паниковский возможно скорее развеял его сомнения. – «А какие же они, по-вашему?» – иронически спросил нарушитель конвенции. «Да, – сказал Балаганов, – теперь мне ясно».

** Одесса. Очерк истории города-героя. – Одесса, 1957, с. 11. Эти «пламенные борцы за идею» даже совершенно очевидные хронологические нестыковки не удосужились припрятать: «К концу XIV в. – началу XV в. (вот ведь где верх цинизма, ибо еще и начальной датой собственно Катастрофу на Ворскле выбрали. – А. Т.) Северо-западное Причерноморье из-под владычества татар перешло на одно столетие под власть Великого княжества литовского, подавляющее большинство населения которого составляли украинцы и белорусы». И тут же, через несколько строчек совершенного абсурда, добавляют: «В состав Крымского ханства, выделившегося из Золотой Орды в XV в., вошла и часть причерноморских степей. Плодороднейшие земли Причерноморья обращены были в пастбища, которые хищнически эксплуатировались в условиях кочевого скотоводства татарскими феодалами. Здесь сложились четыре орды. Одна из них – Эдисанская – своими кочевьями заняла степь между Днестром и Южным Бугом, то есть значительную часть нынешней Одесской области». – Там же.

национальную принадлежность, скажем, что ее фразы и составные положения живы и процветают до настоящего момента, даже не поменяв окраски. Ибо национализм и большевизм суть понятия тождественные. Насколько эффективна подобная подмена исторического самосознания идеологическим доктринерством, говорит уже хотя бы тот факт, что более чем шестисотлетнюю историю региона, превышающую своими размерами Францию, растворили в небытии. И уже не только «широкие слои» населения, но и преподаватели истории одесских школ не смогли при анонимном анкетировании правильно определить название государственности, к которой до основания Одессы принадлежала территория будущего города. Да в подобную пустоту не то что мифические польские города можно вбрасывать, а будет на то желание, хоть афроамериканские.

Вообще, как только чисто исторические вопросы приобретают великодержавный или шовинистический оттенок, их рассмотрение если и возможно, то в лучшем случае исключительно в академической науке, а при ее отсутствии заменяются некими подобиями символов веры. Подобные символы совершенно не требуют напряжения умственных сил, ибо рассчитаны на образность желаемой картины, где убогость интеллектуальной жизни сегодняшней ищет себе оправдание в примитивности представления о прошлом. В конце концов, Гегель был совершенно прав, разделяя народы на исторические и не исторические, то есть на те, которые могут позволить себе реальное историческое самосознание, и те, которые заменяют таковое мифическими образами, а то и словоблудием. Чисто для того, чтобы проиллюстрировать, при каких условиях и на какой почве произрастали семена «коцюбиевской фальшивки», приведем фрагмент статьи коллеги и соратника Маркевича профессора Кочубинского:

«Как во времена Геродота греческий, так теперь купеческий дух западный подымался местами далеко вглубь страны: величественные башни генуэзцев высятся не только на Аккерманском мысу у устья Днестра, но и глубоко к верховью в Сороках.

Что было бы с ними, русскими, задунайскими славянами и вообще Юго-востоком Европы, если бы открытое итальянскими торговцами экономическое движение Запада на Восток продол-

жалось беспрепятственно и далее XV столетия, представить себе нетрудно. Гвоздь за гвоздем вколачивался бы в сердцевину нашей земли рукою западного человека, и наш Юго-восток, Камерум того времени, стал бы давно неотъемлемою частью интересов Запада, его землю, поприщем его свободной эксплуатации. Не нам бы привелось жить по побережью Черного моря, не русского поэта вдохновляла бы лазуревая свободная стихия!

Но – этого не случилось. Провидению за благо было остановиться на избранном сосуде, для возвращения Востока Востоку, своего своему. Этот необыкновенный посланник имел своими руками извлечь западный гвоздь, освободить закрепощаемые края.

*Этим избранным сосудом были – турки. Глубокими чертами отмечены их шаги в общей истории Европы. Ужас сопровождал эти шаги; кровь полилась широкою рекою. Общий вопль, негодования... Но эти страшные варвары своим вторжением в Европу спасли, сохранили Юго-восток ее для него самого.**

А ведь эта и ей подобная чушь с годами сумела остановить развитие перспективнейших направлений в отечественной исторической науке. Да и иные, выходявшие за рамки простой констатации фактов, например, соперничества Венеции и Генуи на Черном море в XIII-XV веках. Более того, данные суррогаты стали своеобразным прологом для разрушения подлинно великой научной исторической школы Одессы, основы которой закладывали еще в XIX веке Скальковский, Мурзакевич, Григорович, Трачевский, Надлер, Успенский, Афанасьев и целый ряд других, при произнесении имен которых до наших дней в научном мире принято «снимать шляпу». Ибо представлять без фундаментальных трудов, скажем, профессора Григоровича славяноведение, или профессора Трачевского новую историю Европы, либо академика Успенского в византиноведении просто невозможно. Впрочем, все это пишется лишь для того, чтобы подчеркнуть, что отнюдь не маркевичи с кочубинскими управляли научными деяниями Новороссийского университета, но, напротив, они сами стали заложниками собственных фантазий и фальсификаций в руках далеких от науки сил, говорить о которых здесь не время и не место.

* Кочубинский А. Лапидарные надписи XV столетия из Белгорода, что ныне Аккерман. – 300ИД, т. 15, с. 509-510.

Ну, хорошо, могут возразить, пусть «документальная хроника» Длугоша и Кромера – примитивная подтасовка конца XIX столетия относительно событий 1415 года. Но ведь есть помимо этого сумма других доказательств, свидетельствующих о польском городе в Северном Причерноморье, на месте будущей Одессы. И здесь нестыковка. Не только «суммы», но ни одного даже сколь-нибудь правдоподобного свидетельства нет, да и быть, по понятным причинам, не может. А вот удивительным как раз представляется составление базы источников, предлагаемой в качестве доказательств некой мифической трансформации Коцюбиева в Хаджибей. Ибо является она ничем иным, как перевертышем, то есть суммой свидетельств прямо противоположного утверждаемому, и по характеру, и по смыслу. Проще говоря, когда белое представляется черным и наоборот.

Сразу же оговоримся, что во всем этом сумбуре «исторических свидетельств» решительно невозможно рассматривать «доказательства» абсурдного характера. Как то, например: вероятного впадения вод реки Днестр в Одесский залив. Или, скажем, претензии некоего польского шляхтича на Пересыпь во второй половине XVI в., то есть тогда, когда таковая не могла существовать по геологическим причинам, ибо Куяльницкий лиман до XVII в. вообще не был отделен от моря, да и то, вплоть до начала XIX столетия представляла собой исключительно песчаную косу. Поэтому ввиду отсутствия документов официальных как таковых, примем во внимание только те возможные свидетельства современников, которые могли бы реально воочию узреть либо прослышать о городе на берегу моря Черного, польской короне принадлежавшего.

Первым и, без сомнения, самым значительным источником в указанном списке мог бы стать отчет о своей дипломатической миссии в Восточную Европу фламандского рыцаря Гильберта Ланной (Guillebert de Lannoy).** Оставив после себя одно из первых подробных описаний Литвы и Польши, он в 1421 году волею своей замысловатой дипломатической миссии пересек та-

** Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, chevalier de latouison d'or, seigneur de Santes, Willerval, Tronchiennes, Beaumont et Wahenies, 1399-1450. – Mons, 1840.

тарскую степь (parmy ung grant desert de Tartarie. – ст. фр., А. Т.) от Монкастро до Крыма за 18 дней.* Описание данного путешествия любопытно уже хотя бы тем, что оно явилось единственным письменным свидетельством европейца первой половины XV в., оставшегося в живых или не проданного в рабство. Впрочем, последнее не произошло только случайно, так как плененного рыцаря, уже после того как пытались продать, доставили в Каффу, а там его ожидала та часть его спутников, которая из Монкастро отправилась в эту генуэзскую колонию морем. Повторимся, его записки крайне любопытны, и гораздо более, чем это принято думать. Но, кажется, никто сильно и не настаивает, чтобы у данного рыцаря, имевшего на руках письма шести европейских государей, а именно: королей Англии, Франции и Польши, великих герцогов Бургундии и Литвы, вместе с бумагами молдавского господаря, вдруг не оказалось ни одного свидетельства о затерявшемся в степи польском городе. Да еще и настолько значительном, чтобы обеспечивать жизнедеятельность византийского Константинополя в период опасности. Что касается упоминания рыцаря Белого Руна относительно строящегося замка в степи при его прохождении из Подолии в Монкастро**, то это и вовсе как корове седло, так как свидетельствует об обратном, а именно: Подолия к моменту данного описания, то есть 1421 г., не была защищена никакими укреплениями от причерноморских степей, то есть от татарских набегов.

Как ни крути, но Гильберт Ланной слыхом не слыхивал ни о польских владениях, ни о славном граде Коцюбиеве, столь прославившемся в 1415 г. в Северном Причерноморье. А вот почему он здесь оказался, совершенно другой вопрос. Для тех, кто не понимает, подскажем. Рыцарь направлялся через Константинополь с миссией в Святую землю. До Константинополя он мог добраться только через генуэзцам подконтрольные морские пути, и отнюдь не из-за препятствий несуществующего «польско-молдавского черноморского флота». Монополия Генуи обуславливала перевозку со всех портов Черного моря в Константинополь исключительно через Каффу, а следовательно,

* Ibid., p. 40.

** Ibid., p. 39.

из генуэзского Монкастро он мог достигнуть города на Крымском полуострове менее чем за сутки и затем еще через два дня оказаться в столице Византии. Однако рыцарь выбрал, казалось бы, странное решение, подвергнув себя и часть своей свиты смертельной опасности, отправившись сухопутным путем вдоль Северного Причерноморья, где он чудом избежал смерти, а затем был ограблен и пленен. При этом все свои ценные бумаги, включая письма английского и французского королей и герцога бургундского, он заблаговременно отправил в Каффу морем, то есть великолепно понимал рискованность своего путешествия. Впрочем, дабы не дать себя отвлечь от темы, просто констатируем – Коцюбиева тут нет и в помине.

Далее следует некий хронологический провал «свидетельств» длиной в сто пятьдесят лет. За это время европейцы сумели совершить Великие географические открытия, создать национальные государства, покорить Мексику и Перу, изобрести книгопечатанье, – а о Коцюбиеве ни слова. И вдруг, *deus ex machina*, прорывается набор записок и дневников путешествовавших в Северном Причерноморье дипломатов второй половины XVI – XVII вв., ни один из которых даже не намекает о прошлом либо современном ему польском городе на берегу Черного моря. То есть от польского дипломата Мартина Броневского и вплоть до турецкого путешественника и историка Эвлия Челеби никто не видит славный град Коцюбиев, и даже самые смелые догадки и истолкования никак не смогли «придвинуть» его к черноморскому побережью. Отнюдь не исключением здесь представляется и отчет Михалона Литвина, который хотя и употребил термин, напоминающий «Коцюбиев», но совершенно в другом контексте, да и в противоположном смысле. А именно в том, что в Киев доставляется «соль из Таврических лиманов (*ex lacunis Tauricensibus*), называемых Качибичов (*Kaczibiciow*)»^{***}, а это звучит быстрее

^{***} Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. – М., 1994, с. 97. – Кстати, здесь явно усматривается этимология слова *koczowisko* и его производные. В русском и украинском языках соответственно оно обозначает кочевье, происходящее от тюркского «коч». И, естественно, никакого отношения к тюркскому «хадж» не имеет, термином которого и обозначалась территория «Хаджибей» между Куяльником и Днестром. Отсюда наименование Хаджибейского лимана, а во второй половине XVIII в. наименование турецкой

в качестве насмешки, чем доказательства «предшественника Одессы», так как Михалон четко выделил территорию Белгородской орды от Перекопской, то есть Таврической. Но это так, между прочим, дабы задать единственный вопрос – а к чему все это? Зачем к тому скудному списку тех, кто не упоминал в творениях своих город славный на берегу Черного моря, не прибавить еще и сотни других авторов того времени? И по иронии судьбы, того же Мартина Кромера, сделавшего уже не мифический экскурс в историю, а реальное описание географических, подлинных или мнимых, границ Польского королевства своего времени, где и близко нет польских претензий на побережье Черного моря, тем более упоминания о существовании здесь польского города и порта.*

Таким образом, на руках «страдальцев по Коцюбиеву» остается исключительно один аргумент – так называемая карта Боплана середины XVII столетия, на которой за «Диким полем» имеется топонимический знак замка и обозначение Кацюбиев. Отбрасываем тот факт, что ни в одном из прижизненных изданий книги Боплана с описанием Украины** подобный вариант карты, а их было несколько десятков, собственно в его книгу не вошел. Как и то, что ни на одной из десятков карт предшествующего периода данное наименование не присутствует.*** Выделим только лишь то, что и на сей раз мы имеем дело с чистым «перевертышем».

Никогда исторические карты, изданные до середины XVIII столетия, вне географически обоснованных масштабов и без соот-

крепости Ени-Дунья в документах запорожцев, а затем и в официальных русских бумагах как Хаджибейская крепость. Имея такой первоклассный исторический источник, как тарханный ярлык конца XIV века, данный ханом Золотой Орды Тохтамышем роду Хаджибеев (см.: ЗООИД, т. 1), нетрудно убедиться, что данный род чингизидов в Северном Причерноморье вовсе не выдумка, ибо подделать такой редчайший документ, каким является тарханный ярлык, пока еще не удавалось никому. Впрочем, это тема отдельного разговора.

* Martini Cromeri. Polonia. Sive de situ, populis, moribus, magistratibus et Republica regni Polonici libre duo. 1578. – Krakow, 1901.

** Beauplan G., marquis de. Description d'Ukraine qui sont plusieurs provinces du royaume de Pologne contenues depuis les confins de la Moscovie, jusques aux limites de la Transilvanie, ensemble leurs mœurs, façons de vivre et de faire la guerre. – Rouen, 1650.

*** См., например: Вавринич М., Дашкевич Я., Кришталович У. Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. – К., 2004.

ветствующей экспликации не принимались в качестве источника. В противном случае по схематическим рисункам можно с легкостью доказывать, что границы, например, Речи Посполитой проходили по рубежу Северной Африки, близ Египта. Однако в том-то и все дело, что собственно издание Боплана как раз и представляет собой развернутую, если не исчерпывающую экспликацию. Не говоря уже о том, что являет собой один из ценнейших источников по отечественной истории XVII столетия, с публикацией которого впервые было введен в западноевропейские языки собственно термин *Украина*. Следовательно, мы берем для удобства академическое издание с репринтным французским текстом и с параллельным русским переводом, а затем читаем описание автора. А именно – всего значимого в Северном Причерноморье с точки зрения французского военного инженера, почти двадцать лет отдавшего строительству приграничных крепостей на службе польской короне.

Итак, самое южное польское укрепление со стороны Днепра, согласно Боплану, располагалось со стороны Савранского леса, или, как пишет автор: «Усть-Саврань (Oucze Savram), или Новый Конецполь – это последнее поселение поляков со стороны Очакова, основание которому я положил в 1634-1635 годах. Здесь я построил королевскую [крепость] в форме четырехугольника, полагаю, что на этом месте можно было бы возвести хороший арсенал против турок».^{****} Ну, а далее приводятся уже интересующие нас сведения о Северном Причерноморье, которые мы для краткости изложим по первым предложениям каждого абзаца: «Но возвратимся к Очакову и заметим, что этот город принадлежит туркам, лежит в устье Днепра и по-турецки называется Джанкрименда (Dziancrimenda)... Приблизительно в одном лье от Очакова (Doczakow) к юго-востоку находится хороший порт, называемый Березань (Berezan), его ширина в устье насчитывает около 2000 шагов...; Озеро (Iezero), то есть озеро Телигул (Teligol) длиной 8 лье и от седьмой до восьмой части лье в ширину...; Озеро Куялик (iezero Kuialik) отстоит от Моря на расстояние не ближе 2000 шагов и также богато рыбой, как и предыдущее... Белгород (Bielegrad) расположен на расстоянии одного лье от Моря

^{****} Боплан, Гийом Левассер де. Описание Украины. – М., 2004, с. 199.

на реке Днестр (Niestre). Турки называют его Аккерман (а Kierman). Этот город также находится под владычеством турок. ...Килия (Kilia) – также турецкий город, полностью укрепленный стеной с контрэскарпом».*

Таким образом, расположение «польского причерноморского города» в татарских степях, да еще и в окружении турецких крепостей, выглядело бы, согласно Боплану, элементарным безумием. Что касается так называемой «Генеральной карты Украины», то ни в одном из первых изданий, во всяком случае, прижизненных, у Боплана искомый объект не обнаруживается. Хотя, может быть, он и появился в каком-либо из десятков вариантов данной карты в различных картографических атласах указанного времени, но не более чем искусственной вставкой в гравировальную доску новых, подчас произвольно вписываемых объектов. В любом случае в данном контексте нас это не интересует, ибо экспликация Боплана суть есть документальное подтверждение «небытия» Коцюбиева, а не наоборот.

И последнее. Вероятно, со времен «Книги Страшного суда» Вильгельма Завоевателя в Англии XI в. ни одна страна Европейского континента не подверглась столь тщательной ревизии, как многострадальная Польша в XVIII столетии. Первый, второй и третий разделы Польши наряду с ликвидацией Крымского ханства дали европейским юристам, политикам, картографам, литераторам, просветителям, журналистам, историкам тему, которую современным сленгом именуют глобальной. При этом ни одна европейская страна, даже второстепенная, не смотрела равнодушно на процесс «дележа польского пирога» между Австрией, Пруссией и Россией, чтобы не попытаться понять смысла происходящего на их глазах самого крупного территориального перераспределения на континенте за всю историю нового времени. Сотни карт, изданий полемического и исторического характера, появившиеся в Лондоне, Париже, Мадриде, Риме, Стокгольме и т. д., даже косвенно не затронули, казалось бы, столь притягательную тему, как возможность предъявить «исторические» права на Черное море Речи Посполитой. И это в условиях кризиса, поставившего Европу на грань общеконтинентальной

* Там же, с. 201.

войны.** Здесь нет нужды говорить также о том, что сотни документов, сосредоточенных в архивах Петербурга, Вены и Берлина, до мельчайших деталей, иногда крайне циничного свойства, учитывали не только любые поселения, подлежащие дележу, но и количество людей, домов, голов скота и т. п. Как и каким образом удалось бы от указанной международной ревизии ускользнуть славному граду «Коцюбиеву», на Черном море стоявшему, одному Богу известно.

Конечно, нет ничего страшного в том, что определенной части населения представилась возможность вволю пофантазировать на тему генезиса Одессы. И нет абсолютно никакой необходимости в том, чтобы все поголовно оперировали категориями из области международного права. Вполне достаточно, дабы каждый из сограждан понимал, что ордер, скажем, на квартиру, без печати и подписи не есть юридический документ. А если не понимает, то за будущность детей и близких его именно тогда становится страшно. Неужели же кто-то не осознает, сколь пагубна игра с фальшивками в исторической плоскости, когда она самым непосредственным образом соприкасается с самосознанием огромного региона, которому вместо реальных международных документов и фактов ежедневно подбрасываются пустышки румынско-молдавско-польского образца, умноженные на доморощенные националистические? И, главное, есть ли смысл прятать убогость нынешнего исторического самосознания за «новоявленным» доктринерством? Впрочем, вопрос риторический. Ибо не было бы уверенности в том, что «Одесса и не такое пережила», то и не было бы смысла в написании данной статьи. А там – как Бог даст.

** См.: Третьяк А.И. Северное Причерноморье в политико-правовом пространстве Европы конца XVIII века. – Одесса, 2004.